

Я задержалась в боковом зале и вышла как раз к последнему танцу, который мы называли Танцем Победы. Это было музыкально-танцевальное представление, посвящённое походу армии на округ Ци. Идея принадлежала Цуй Мин-дэ. Она говорила, что раз мать вступила на престол, а в четырёх сторонах света беспокойно, нужно, во-первых, явить мощь, чтобы Поднебесная трепетала и не смела безрассудно действовать, а во-вторых, наглядно показать, что мать — законная правительница государства, а действия мятежников продиктованы личными интересами. Мать тогда в чертоге намеренно преуменьшила значение Сюй Цзинье, но на самом деле стянула триста тысяч войск и специально назначила главнокомандующим члена императорского клана Ли Сяои именно из этих соображений. Поэтому мы и должны были поставить этот большой танец — и чтобы помянуть тяготы, которые преодолели прежние императоры, основывая государство, и чтобы явить мощь наших военных свершений, показать, что императорская армия везде непобедима. Если потом распространить этот танец по всей Поднебесной, мятежники в четырёх сторонах света, услышав о нём, утратят дух и не посмеют бунтовать. Я знала, что в глубине души она просто хотела под разными предлогами восхвалить свою «закадычную подругу» Дугу Шао, младшую госпожу Дугу Шилу, но и мне было выгодно польстить матери, поэтому я включила этот танец как главный номер, завершающий представление.

В основе танца лежала старая мелодия «Музыки прорыва строя», слегка переработанная. Цуй Мин-дэ сочинила к ней четыре новых куплета, которые вплели в танец, — получилось четыре части, перечислявшие военные свершения основателя династии, военные свершения Тайцзуна, военные свершения Гаоцзуна и военные свершения нынешнего правления. Танцоров было двадцать четыре человека, они переплетались, сгибались и выпрямлялись, голова и хвост шеренги менялись местами, они сходились и расходились, нанося колющие удары, имитируя боевые построения. Танец состоял из трёх построений, каждая часть менялась трижды, всего двенадцать построений, и все они были взяты из армейских уставов. Музыкантов — десять групп, они били в тангутские военные барабаны, смешивая с кучискими мелодиями, звучало это бодро и воодушевляюще.

Когда я вошла в зал, шла уже четвёртая часть. К двадцати четырём танцорам вышли двое ведущих — мужчина и женщина. Мужчина был в золотых доспехах, алом плаще, с золотым мечом и золотым щитом, женщина — в серебряных доспехах, белом плаще, с серебряным копьём. На площадке они сходились и расходились, изображая схватку. Я поняла, что дошло до истории Дугу Шао, и поспешила занять место, чтобы разглядеть получше. Вижу: танцовщица стремительно бежит по кругу, при повороте её копьё мелькает то вверх, то вниз, то слева, то справа, размахивает она им так плотно, что не просунешь и иголки. Танцор же одной рукой размахивает мечом — рубит, режет, колет, заносит — дух захватывает, а другой держит щит, уворачивается, и щит в его руках такой же живой и проворный, как меч, ничуть не уступает.

Я не особо любила и не слишком разбиралась в военных делах, но смотрела с интересом, попутно хватая с блюда арбузные семечки. Еду для пира обычно готовило Ведомство императорской кухни, но мы специально заказали из дворцовой кухни множество закусок, как раз чтобы грызть, смотря представление. Многие идеи были мои, я обсудила их с матерью и получила разрешение подать на этот раз: солёные жареные арбузные семечки, жареная репа, жареная морковь, жареные лепёшки, жареные каштаны, куриные крылышки в медово-горчичном соусе, засахаренные фрукты на палочке, а к ним — густой сладкий апельсиновый сок.

Эти яства в моей прошлой жизни были самой обычной уличной едой, но в эту эпоху всё они были драгоценностями для богатых и знатных: арбузные семечки я сама собрала из арбузов, что ела в своей усадьбе, и обжарила, на этот раз отдала все до последней, но хватило лишь на маленькое блюдечко для каждого чиновника третьего ранга и выше; очищенный мёд и

неочищенный сахар-песок были предметами роскоши, их выделили из императорских внутренних запасов; каштаны взяли местные, большие, из тех, что поставляют в качестве дани, но на вкус они были не лучше, чем те, что в прошлой жизни на каждом углу продавали по десять юаней за пакет; куриные крылышки пришлось вырезать на заказ, зарезали несколько тысяч кур, и только с личного разрешения матери их за несколько дней замариновали в соусе и положили в ледник, в итоге каждому досталось лишь по паре; морковь и лепёшки сами по себе ничего, но я давно не ела картофельных чипсов, так соскучилась, что заставила дворцовых поваров жарить морковь, как чипсы, а в тесто для лепёшек подмешала сахар и чайный отвар, получились похожие на чипсы ломтики моркови с перцем и поддельные жареные лепёшки с маття — чай и перец в ту пору тоже были немалой ценностью; про засахаренные фрукты на палочке и говорить нечего — только на то, чтобы научить поваров растапливать сахарный сироп, ушло не меньше нескольких сотен связок монет.

Мои выдумки потребовали немалых усилий, но были встречены на ура. Высокие сановники на больших пирах обычно ведут себя сдержанно, но на этот раз все дочиста опустошили выставленные перед ними закуски. Я наблюдала и заметила, что больше всего им полюбили именно засахаренные фрукты на палочке — даже мать съела целую штуку и специально прислала ко дворцовой служанке с поручением: «Государыня говорит: штучка ты моя, представление устроила хорошо, а уж еда — особенно отменная. Многие сановники бесстыже просят рецепты. Подумала, раз это твои выдумки, тебе и решать, велела им к тебе обращаться. В ближайшие дни будь наготове, а то народу придёт много — порог сотрут. Только рецепт засахаренных фруктов на палочке никому не говори, оставим для дворца».

Тем самым она позволяла мне делать одолжения сановникам. Я поспешно встала и поклонилась в знак благодарности, а потом, пользуясь тем, что мать в хорошем настроении, нагло попросила награду: «Передай матушке-государыне: раз понравилось, не будет ли милости? Если уж не награды, то хоть подарок на день рождения?»

Та служанка вскоре вернулась и сказала: «Государыня говорит: у тебя день рождения, а ты родную мать, что тебя на свет произвела, не благодаришь, ещё и подарки выпрашиваешь? Пожалую тебе тысячу связок монет — пожертвуешь на молебен за мать, сыновней почтительности сполна исполнишь. И ещё кусок дерева пожалую — если порог сотрут, сможешь новый сделать». Сама не удержалась и рассмеялась, но, опасаясь, что я расстроюсь, поспешила утешить: «Госпожа, не печальтесь, государыня шутит. Только что перед троном изволила обещать: после Нового года сразу пожалует вашему супругу должность младшего начальника приказа вин и яств, ведать винами и яствами удельных князей и страны, а вам, госпожа, добавит действительного пожалования — сто дворов. Указ выйдет, как только откроются присутственные места».

Приближённые матери обычно держали язык за зубами, а эта такая болтушка. У меня в душе зашевелились сомнения, я с улыбкой покосилась на неё, раздумывая, не достать ли из рукава горсть серебра, как вдруг Цуй Мин-дэ холодно произнесла: «Дела перед троном разболтать посмела? Подожди, госпожа доложит государыне — тебя насмерть забить палками велят».

Служанка переменилась в лице, повалилась ниц и принялась умолять о пощаде. Мне стало её жалко, я было собралась её простить, но Цуй Мин-дэ уже велела вывести её вон и, увлекая меня за собой, направилась к матери. Я ничего не понимала, остановилась и спросила: «В такой большой праздник, Эрнянь, не слишком ли ты раздуваешь? Матери настроение испортишь — нехорошо».

Цуй Мин-дэ холодно взглянула на меня: «Ты когда-нибудь видела, чтобы кто-то из приближённых государыни болтал лишнее? Почему именно сейчас проговоришься?»

Меня бросило в холодный пот, и я быстрым шагом последовала за ней к трону. Мать, увидев наши серьёзные лица, велела унести Ли Даня и подозвала меня к себе, чтобы я налила ей вина. Склонив голову, спросила: «Что такое?»

Я тихо ответила: «Только что служанка, которую вы послали с поручением, разболтала ваши слова. Я уже велела вывести её вон, а теперь пришла доложить».

Мать произнесла: «А...» — отхлебнула из чаши и спросила: «Что она сказала?»

Я подробно передала слова той служанки. Мать, выслушав, рассмеялась: «Я побоялась, что ты, молодая, обидчивая, расстроишься, услышав мои слова, вот и велела ей передать. Просто недоразумение, отпусти её».

У меня на душе стало ещё холоднее. Я с виноватой улыбкой сказала: «Если так, то это я погорячилась с вашей посланницей, прошу у матушки прощения» — и собралась поклониться в ноги, но мать остановила меня рукой. Она положила руку мне на шею, слегка погладила и с улыбкой сказала: «Какие пустяки, чего так испугалась? Садись, пей со мной... хоть и надо тебе поменьше пить сейчас. Пусть принесут фруктового отвара». И, обратившись к Цуй Мин-дэ, улыбнулась: «В устройстве этого пира, помимо Тайпин, больше всех потрудились ты. Садись тоже. Ваньэр, налей ей вина».

Цуй Мин-дэ озарилась безупречной улыбкой, поклонилась матери, потом поклонилась Ваньэр, приняла поданную чашу, осушила её до дна. Тем временем ту служанку уже отпустили, она подошла к трону и преклонила колени с благодарностью. Мать сказала: «Я виновата, что не пояснила как следует, не только Тайпин напугала, но и тебя подвела» — и тоже велела пожаловать ей вина. Та служанка без тени волнения поблагодарила за милость, выпила и удалилась. Цуй Мин-дэ тоже поднялась и откланялась, оставив меня одну перед матерью. Я не знала, смеяться мне или нет, но, к счастью, в этот момент мелодия закончилась, танцоры собрались вместе, чтобы принять награды, и все взоры устремились вперёд, на меня никто не смотрел. Я опустила голову, сделала глубокий вдох, а когда подняла глаза, ведущая танцовщица уже сняла маску и вышла вперёд за наградой — и я снова невольно вздрогнула от удивления, непроизвольно воскликнула: «И?» — и уставилась вперёд с раскрытым ртом.

Мужчина в золотых доспехах и алом плаще был Хулюй Чжун — так и было задумано, это верно. Но женщина в серебряных доспехах и белом плаще не должна была быть Дугу Шао — в середине двенадцатого месяца она с отцом приходила во дворец с благодарностью, мы тогда виделись, и она ещё только с палочкой ходить могла. С тех пор прошло больше десяти дней, но неужели она уже настолько оправилась, что может размахивать копьём в танце?

Мать, увидев моё изумление, приподняла бровь: «Что, разве изначально выступать должна была не она?» [С первого взгляда раскусила Тайпин без малейшего напряжения.]